

Несколько слов об одном «забытом» жанре

A Few Words about One “Forgotten” Genre

The fable is one of the oldest literary genres which have their roots in the great antiquity. This contribution is devoted to the current state of the genre. The author of the contribution mentions that the contemporary fable’s reception is difficult and requires certain efforts. As a result, fables written in the past don’t provoke interest and response, and new fables don’t appear nowadays. This also refers to the destiny of the fable in Russia. In spite of the fact that the Russian literature has rich fable traditions and its genius writer of fables I. A. Krylov, we observe no further development since that culmination point.

The contribution deals with the possible reasons for such a phenomenon. On the one hand, the reception is inseparably linked with the specifics of its indirectness and allegory, on the other, from the author’s point of view, there is a powerful influence of changes of the society’s thinking in the 21st century. Further, the author makes an attempt to outline the possible lines of development of this genre. The direct appeal to the heritage of ancient writers of fables (mainly Aesop) and its reappraisal in the context of modern society is considered to have great potentials and to open new horizons.

In conclusion, the article expresses the idea that the fable’s studies ought to be basically multidisciplinary and as broad as possible including the research in the field of psychology, sociology etc.

Иносказание – «нечто, сказанное иначе».¹ Наше время таково, что о многих явлениях бытия сегодня можно и даже необходимо говорить именно

---

¹ Таковы, например, некоторые толкования этого термина:

иносказательно. Современное общественное мышление зачастую строится таким образом, что через прямые наименования к нему не достучаться. Сегоднешнее искусство слова – один из ярких тому примеров.

С одной стороны, читатель не приемлет от литературы никаких инструкций и поучений – а именно так он воспринимает прямое, иносказательное выражение. В принципе, нынешнее восприятие в штыки «морализаторства» и «наставлений» относится не только к литературе, но и к остальным видам искусства. Однако можно заметить, что в словесном искусстве это проявляется наиболее отчетливо и ярко – ведь здесь вступает в силу внутренняя взаимосвязь слова и действия. Человек, как правило, сильнее всего ощущает воздействие на уровне слов, даже если оно им не осознается.

С другой стороны, мы зачастую неспособны раскрыть весь объем, заложенный в прямом наименовании. Для нас это просто привычные слуху слова, и потому такое выражение мысли начинает казаться банальным и примитивным, не несущим в себе ничего особенного. В изворотливости и хитросплетениях интеллектуальной игры многим, напротив, видится многообразие и глубина. Удивительно точно сказал об этом выдающийся чешский писатель и мыслитель, один из истинных гениев двадцатого века, Карел Чапек. В одной из своих публицистических работ, под названием *Природа*, он заметил: «Большинство новейших философов утверждает противоположность природы и интеллекта <...> Все прямолинейное и простое – совершенно искусственно, неестественно и отвратительно». Это наблюдение, сделанное Чапек в начале минувшего столетия, кажется поистине верным. Пожалуй, современное общественное мышление не изменило этому руслу. Нельзя не согласиться и с выводом писателя: «Истины проще, прямолинейнее и геометричнее заблуждений, добродетели менее сложны и более геометричны, чем пороки <...> Проблема геометрической простоты касается не только вкуса, но и морали».²

Иносказание – применяемый иногда в русской поэтике перевод термина «аллегория». (Литературная энциклопедия. Москва 1929–1939).

Иносказание – Высказывание, выражение, содержащее скрытый смысл, намек. 2. Выражение отвлеченного понятия посредством художественного образа как литературный прием; аллегория. (Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. Москва 2006).

² Данная статья представлена в переводе О. М. Малевича. (Малевич О. М. и колл.: Письма из будущего. Неизвестный Чапек. Санкт-Петербург 2005).

В оригинале читаем: „Většina moderní filosofie konstruuje naprostou protivu přírody a intelektu ... Všechno přímočaré a jednoduché je naprosto umělé, nepřirozené a ohavné <...> Pravdy jsou jednodušší, přímočařejší a geometričtější než omyly; ctnosti jsou méně složité a geometričtější než hříchy ... Otázka geometrické jednoduchosti není jen otázka vkusu, nýbrž i morálky“ (Čapek K.: *Příroda*. In: *Kritika slov. O věcech obecných čili Zóon politikon*. Praha 1991).

Несколько слов об одном «забытом» жанре

Здесь и приходит черед иносказанию. Оно может стать своеобразным ключом к мышлению современного человека. Перед автором раскрывается широчайший спектр художественных возможностей. Из них он волен отобрать те, что помогут ему облечь в слова необходимые мысли и не потерять заложенный в них смысл. Кроме этого, иносказание позволяет не навязывать читателю опыт и знания, вызывая заведомое отторжение с его стороны, а передать их ему, как некое послание в зашифрованной форме, чтобы в нужный момент он сам подошел к их пониманию.

Басню как форму словесного иносказания человека открыл для себя еще в древности.³ Известно, что уже к III–IV вв. н. э. сложился памятник древнеиндийской прозы «Панчатантра». Считается, что его автором был мудрец Вишнушарман, создавший его для обучения царских сыновей. Произведение состоит из пяти частей – пяти тантр, а также вставных рассказов в стихотворной форме. Герои «Панчатантры» – животные, символизирующие собою людей.

Первыми древнегреческими баснописцами считаются Гесиод (кон. IX–VIII вв. до н. э.) и Стесихор (VI в. до н.э.). Но особое волшебство басни раскрылось, несомненно, в творчестве Эзопа (VI–V вв. до н. э.). Его басни, написанные в прозе, лаконичны и просты и при этом наполнены глубочайшим смыслом. Они остроумны и метки, но не ограничиваются сатирическими красками и совершенно лишены какого бы то ни было шутовства. Напротив, они хранят в себе абсолютную уравновешенность, внутреннюю четкость и даже строгость. Эзоп изучал глубинные процессы взаимодействия людей в обществе, проистекающие из внутренней сущности человека. Через басню он стремился помочь людям выстроить их взаимоотношения наиболее гармонично. Именно на это, а не на частные злободневные проблемы своих современников, было направлено внимание древнего автора. Не удивительно

---

³ Какое произведение понимается под басней сейчас? Можно обратиться к следующим определениям жанра:

Басня – литературный жанр; краткий, обычно стихотворный рассказ, в иносказательной форме, сатирически изображающий человеческие поступки и отношения. Б. близка к притче и апологу. Персонажи Б., помимо людей, – животные, растения, вещи. В начале или концовке Б. обычно дается афористический нравоучительный вывод ("мораль"). (Большая советская энциклопедия. 1969–1978).

Басня – небольшая сказочка нравоучительного характера, в которой действующие лица – чаще животные, а также неодушевленные предметы, но нередко и люди. В басне отличают повествование и вывод из него, т.е. определенное положение (правило, совет, указание), присоединенное к повествованию. Этот вывод в басне прилагается обыкновенно в конце, иногда в начале; нередко он представляет заключительное слово одного из действующих лиц в басне. (Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин, М. Розанов.: Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. Москва, Ленинград 1925).

поэтому, что Эзоповы басни дошли до нас сквозь толщу тысячелетий и до сих пор не теряют своей значимости.

Начиная с XVI в., басня становилась все более любимым и популярным жанром. В Западной Европе прославился французский баснописец Жан де Лафонтен (1621–1695). Его с полным правом можно назвать достойным учеником Эзопа. В свои собственные басни он привнес особый лиризм при изображении чувств и настроений, а также многообразные философские отступления.

В России басня обрела для себя благодатную почву. Расцвет этого жанра приходится на послепетровскую эпоху и связано с именами А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, И. И. Хемницера, А. Е. Измайлова, И. И. Дмитриева. Каждый из этих писателей обращался к басне и открывал в ней что-то свое, будь то новая краска в их языке или особое художественное настроение. Несомненно, вершиной в этой области стал И. А. Крылов (1769–1844): он довел до совершенства форму басни и превратил ее в истинное произведение искусства. Наследие Крылова до сих пор высоко ценится не только в России, но и во всем мире. Однако его творчество стало и последним пиком развития этого жанра.

Басни, вышедшие из-под пера Демьяна Бедного (1883–1945) в годы советской России, – это уже нечто совершенно иное. По сути, он сделал басню лишь орудием своей пропаганды и агитации, а это неизбежно «огрубляет» ее природу, и басня лишается своей глубины. Причем это касается не только собственных басен Д. Бедного (например, таких, как *Хозяин и батрак*, *Лапоть и сапог*, *Кларнет и рожок*, *Бунтующие зайцы* и т.д.), но и переведенных им басен Эзопа. Показательно, какие басни были избраны им для перевода, – вновь те, что могли быть истолкованы «на злобу дня». Поэтому кажется вполне естественным, что его сочинения пользовались успехом лишь в определенный исторический период (приблизительно до 1930-х гг.), а затем вызывали отторжение.⁴ Сейчас же связанные с конкретной общественной

---

⁴ Скептическую и в целом негативную оценку творчеству Демьяна Бедного давал, например, поэт Сергей Есенин. В мае 1925 года он написал *Послание «евангелисту» Демьяну*, где можно найти такие строки:

... Ты свершил двойной и тяжкий грех
Своим дешёвым балаганным вздором:
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И скудный свой талант покрыл позором.
Ведь там, за рубежом, прочтя твои «стихи»,
Небось злорадствуют российские кликуши:
«Ещё тарелочку Демьяновой ухи,
Соседушка, мой свет, пожалуйста, откушай!»
А русский мужичок, читая «Бедноту»,
Где образцовый блуд печатался дуплетом,

Несколько слов об одном «забытом» жанре

ситуацией басни Д. Бедного по понятным причинам неактуальны и уже практически не вызывают живого отклика.

И вот сегодня басня словно отошла в сторону, уступая место совершенно другим литературным жанрам. Это явление кажется интересным. Возникает вопрос: может быть, наше общество столь гармонично, что вовсе не нуждается в басне, ибо ей попросту нечего отражать? Совершенно очевидно, что это не так: напротив, мы живем в эпоху крайнего напряжения и практически ступаем по лезвию бритвы. Множество несоответствий обнаруживается во всех сферах общественной жизни. Почему же именно теперь, когда есть необходимость активного воздействия через слово и когда столько жизненных явлений требуют пристального наблюдения и изучения, действенный потенциал басни остается нераскрытым? И почему сегодня сложить произведение подобного рода вообще столь непросто?

Об одной из возможных причин уже было сказано выше. Общество, выступающее в роли читателя, с усилием воспринимает саму форму басни, т. к. в ее аллегорическом повествовании, а тем более в заключительной морали, ему видятся нравouchения: а их общество не признает. Вполне можно допустить, что это лишь некий переломный момент накануне совершенно новых творческих поисков. Но пока что общественное мышление предпочитает блуждать в различного рода лабиринтах, а ведущую руку ощущает как насилие.

Однако дело не только в этом. Басня – это особый художественный мир. И, по-видимому, нынешнему читателю довольно трудно в него проникнуть. Люди выстраивают вокруг себя множество ложных, иллюзорных взаимосвязей и теряются среди них, но утверждают при этом, что владеют бесконечным многообразием.

А басня – это символ совершенно иного хода мысли. Она обращается к вечным принципам и взаимосвязям нашего бытия, которые были и будут, вне зависимости от того, верит общество в их существование или нет, – например, воскрешает законы этики, морали. Наш же внутренний мир зачастую закрыт для них. Поэтому и образы басни – аллегии, столь же однозначные

Ещё отчаянней потянется к Христу,
Тебе же мат пошлёт при этом.

Чуждость такой поэзии Есенин выразил и ранее, в 1924 году, в стихотворении *Русь советская*:

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

(Есенин С. А.: Письмо «евангелисту» Демьяну. Русь советская. In: Есенин С. Собрание сочинений в двух томах. Минск 1992).

и ясные, как и сами принципы, которые под ними подразумеваются, – никак не затрагивают душу. Они кажутся либо одноплановыми и предсказуемыми, либо, наоборот, абсолютно непонятными. Это тоже неудивительно, ведь для того, чтобы проникнуть в суть аллегории басни, нужно познать природу во всех ее взаимосвязях и ощущать самого себя ее частью, а современный человек во многих своих действиях противопоставляет себя ей.

Значит ли это, что время басни безвозвратно ушло и что писательское иносказание уже не будет воплощаться в такой словесной форме? Думается, что такое утверждение было бы несправедливым. Этот жанр несколько не утратил своей силы. Однако новое время ожидает и новых басен, в которых будет запечатлен облик того общества, которое мы наблюдаем сегодня. Вряд ли кто-то станет отрицать, что оно значительно изменилось по сравнению с прошлым. Мысли людей направлены по другому руслу; мышление в целом приобрело такие новые свойства, как механистичность и «компьютеризация»; изменился и мир наших чувств; мы, в сущности, говорим на ином языке. Все это неминуемо должно отражаться в любом литературном произведении, а в басне, которая призвана быть зеркалом для жизни общества, это отражение должно быть особенно точным.

Эти замечания относятся, в частности, и к русской басне. С одной стороны, в зеркале современной русской басни мы хотели бы увидеть *русскую* действительность с ее актуальными проблемами национального характера. И все же, по всей вероятности, этого недостаточно. Вглядимся в эти проблемы пристальнее: не являются ли многие из них общечеловеческими? Тот путь, который наметил в своем творчестве Демьян Бедный, представляется довольно ограниченным: этот писатель очертил для своей басни лишь один круг проблем – социально-политический, и определил лишь одно назначение – агитационное. Однако возможности басни гораздо значительнее и богаче.

Можно предположить, что русская басня нового времени может черпать вдохновение у мастеров древности, прежде всего у Эзопа. И здесь вновь стоит сказать о творчестве И. А. Крылова. Именно оно, на наш взгляд, стало подлинным связующим звеном между наследием древности и нашим временем. В своих баснях Крылов сумел и передать во всей полноте глубокое национальное своеобразие, и вместе с тем не замкнуться лишь на социально-политических проблемах своих современников. Крылов изучал и познавал социум в самом широком смысле слова – как элемент всего человеческого мироустройства. Именно такое направление развития русской басни кажется наиболее плодотворным и перспективным.

Нужно отметить, что литературоведы наших дней уже обратили внимание на вневременной характер басен И. А. Крылова. В некоторых работах эта мысль выражена совершенно определенно (что интересно, цитируемый ниже источник был создан не в России, а в США, в Нью-Йорке, в 1989 году). Итак,

Несколько слов об одном «забытом» жанре

исследователи А. Генис и П. Вайль пишут: «Крылов написал две сотни басен, из которых уцелели для отечественной культуры не больше двух десятков. Десять процентов – это очень высокий показатель. Но существенно то, что уцелели вовсе не те стихи, которыми гордился автор и восхищались современники. Только в специальных работах упоминаются когда-то сенсационные «Пестрые овцы» или «Рыбья пляска», в которых Крылов разоблачал и бичевал. Они – за пределами массового сознания, как пересекающиеся параллельные прямые. Зато бессмертны строки «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь». Неслаженные квартеты существуют во все времена, без всяких политических аллегорий. Басне достаточно того, что она по сути своей – и так аллегория. Первая метафора в человеческом сознании».⁵

Уникальность басни, на наш взгляд, в том, что при известной утвержденности и даже «каноничности» своей художественной формы она не превращается в сухую, негибкую конструкцию – напротив, она способна являть высшую степень внутренней гибкости и чутко реагировать на изменения в общественном мышлении. Поэтому и в процессе изучения басни, кроме собственно литературоведения, непременно должны были бы участвовать и психология, и социология, и другие источники познания сложнейшего явления – человеческого социума. Такая расширенная амплитуда может дать новые интересные наблюдения. Так, здесь была сделана попытка понять единый психологизм басни. Это несколько иной ракурс, чем предложенный, например, Л. С. Выготским: «К прозаическим басням следует отнести басни Эзопа, Лессинга, Толстого и других. К басням поэтическим – Лафонтена, Крылова и их школы».⁶ Далее, именно исходя из этого тезиса, Выготский анализирует значение персонажей-животных, роль морали и т. д. В его работе читаем: «Таким образом, животные нужны для того, чтобы затемнить эмоцию. Опять здесь с чрезвычайной резкостью выступает разница между поэтической и прозаической басней. Совершенно верно, что оба эти соображения не имеют ничего общего с задачами поэтической басни».⁷ Думается, однако, что *над* различиями существует единый художественный мир басни, который еще ждет своего изучения.

В заключение этих размышлений о судьбе одного из интереснейших жанров литературного творчества хочется высказать предположение, что и сегодня способны были бы рождаться новые басни – те, что на новом витке спирали возвращаются к опыту древних мастеров слова и воплощают его в действии для наших современников. По крайней мере, жанр этот остается по-прежнему жизнеспособным и действительно жизненным. И возможно,

⁵ Вайль П., Генис А.: Родная речь: Уроки изящной словесности. Москва 2008, с. 32.

⁶ Выготский Л. С.: Психология искусства. Москва 1986, с. 116.

⁷ Там же, с. 127.

Наталья ЧУВЕЛЕВА

сейчас настало как раз то время, когда необходимо именно так говорить с обществом – на одном с ним языке, но при этом иносказательно.

Наталья ЧУВЕЛЕВА